E 80/290
1889

Е 80/290

СВѢДѢНІЯ

О

1-й МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗІИ

Фр. Креймана,

учрежденной въ 1858 году.

(Москва, Петровка, домъ Самариной).

МОСКВА.

1889.

И 226/1852 Е 80/290

СВѢДѢНІЯ

О

1й МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ГИМНАЗІИ

Фр. Креймана,

учрежденной въ 1858 году.

(Москва, Петровка, домъ Самариной).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1889.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
33875-44

Дозволено цензурой. Москва, іюня 28 дня 1889 года.

2007098229

Заведеніе, основанное въ 1858 г. по частной иниціативѣ, содержится на собственныя средства и по Высочайшему разрѣшенію съ 1865 г., именуется частною классическою гимназіею *. На основаніи сего воспитанники, окончившіе въ гимназіи съ успѣхомъ курсъ наукъ, поступаютъ въ университетъ и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія на тѣхъ же правахъ, какъ и воспитанники правительственныхъ гимназій и, наравнѣ съ послѣдними, пользуются правами и льготами относительно отбыванія воинской повинности, обозначенными въ §§ 130 — 132 Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 г. Устава гимназій и прогимназій и въ §§ 56,2 и 173,2 Устава о воинской повинности; воспитанники, окончившіе курсъ IV и VI кл., согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 12 апрѣля 1883 г., пользуются всѣми правами, предоставленными ученикамъ соотвѣтствующихъ классовъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. При этомъ воспитанники IV кл. пріобрѣтаютъ означенныя права, если они пробыли въ заведеніи не менѣе двухъ лѣтъ; воспитанники VI кл. — если они пробыли въ заведеніи не менѣе четырехъ лѣтъ, и воспитанники VIII кл. — если они пробыли не менѣе трехъ лѣтъ.

Гимназія состоитъ изъ восьми классовъ съ годичнымъ курсомъ въ объемѣ преподаванія не меньшемъ положеннаго для правительственныхъ классическихъ гимназій и изъ приготовительнаго класса съ двумя отдѣленіями—младшимъ и старшимъ.

---

* Желающіе ближе ознакомиться съ жизнью школы могутъ найти подробности въ книгѣ: „Двадцатипятилѣтіе Московской Частной Гимназіи Ф. Креймана. 1858—1883. Москва 1884".

Учебный курсъ составляютъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесность, краткія основанія логики, латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій языки, математика, математическая географія и физика съ краткимъ естествовѣдѣніемъ, исторія, географія, чистописаніе, рисованіе, пѣніе и гимнастика.

Объемъ преподаванія предметовъ учебнаго курса, а равно и распредѣленіе онаго по классамъ указаны въ учебномъ планѣ, гдѣ обозначены также и число уроковъ по каждому предмету и распредѣленіе ихъ по классамъ.

Относительно испытаній учениковъ при поступленіи ихъ въ гимназію, при переводѣ изъ класса въ классъ и при окончаніи ими курса ученія, заведеніе руководится правилами, изданными Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Законъ Божій преподается духовнымъ лицомъ, прочіе же преподаватели избираются изъ лицъ, окончившихъ университетскій курсъ ученія, а также изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по существующимъ узаконеніямъ имѣютъ право быть учителями или воспитателями въ гимназіяхъ. При заведеніи находится постоянный врачъ.

Ежегодно, въ день основанія школы (2 октября), происходитъ публичный актъ, на которомъ читается отчетъ о состояніи и дѣятельности гимназіи, объявляются имена учениковъ, окончившихъ курсъ и удостоенныхъ свидѣтельствъ зрѣлости, и произносятся рѣчи членами педагогическаго совѣта.

Въ гимназіи имѣются слѣдующія учебныя пособія: 1) ученическая библіотека, 2) физическій кабинетъ, 3) необходимыя пособія по естественной исторіи, 4) достаточное количество историческихъ и географическихъ картъ и глобусовъ, чертежей, рисунковъ и моделей для рисованія, 5) гимнастическіе снаряды и 6) музыкальныя ноты.

Въ гимназіи воспитываются дѣти всѣхъ сословій и принимаются приходящими, полупансіонерами и пансіонерами.

Общій пріемъ учениковъ бываетъ каждый годъ въ маѣ и августѣ мѣсяцахъ, впрочемъ и въ теченіе всего учебнаго года дѣти могутъ быть принимаемы во всѣ классы гимназіи (за

исключеніемъ двухъ старшихъ), если своими познаніями докажутъ возможность слѣдовать за курсомъ того класса, въ который желаютъ вступить.

Желающіе опредѣлить въ гимназію дѣтей объявляютъ о томъ письменно, прилагая при семъ: а) свидѣтельство о возрастѣ, т.-е. метрическое свидѣтельство, а для лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій законное засвидѣтельствованіе; б) свидѣтельство о званіи: для дворянъ свидѣтельство депутатскаго собранія или указъ герольдіи объ утвержденіи въ дворянствѣ, для дѣтей чиновныхъ и духовныхъ лицъ — послужные списки отцовъ, а для дѣтей изъ подданныхъ сословій — засвидѣтельствованную копію съ того вида, по которому живутъ родители, а въ случаѣ неимѣнія родителей — выданный имъ самимъ видъ; в) обязательство, форма котораго обозначена въ приложеніи *А*. Бывшіе уже въ какомъ-либо учебномъ заведеніи предъявляютъ, сверхъ того, свидѣтельство изъ онаго.

Въ приготовительный классъ принимаются дѣти не менѣе 8 и не болѣе 11 лѣтъ, въ 1-й кл. не менѣе 10 и не болѣе 12 лѣтъ, въ остальные же классы принимаются имѣющіе соотвѣтствующій указанному возрастъ.

Отъ поступающихъ въ приготовительный классъ младшаго отдѣленія требуется умѣть читать и писать по-русски и считать до 1000. Въ слѣдующіе классы гимназіи принимаются имѣющіе соотвѣтственныя программѣ познанія.

Форменная одежда учениковъ гимназіи Высочайше утверждена 16-го января 1889 г. (подробное ея описаніе см. въ приложеніи *Б*). Обыкновенная же классная одежда учениковъ состоитъ изъ куртки темносѣраго сукна, брюкъ такого же цвѣта и ремня изъ черной кожи. Въ лѣтнее время допускается ношеніе блузъ и брюкъ изъ суроваго полотна.

Плата за воспитаніе вносится впередъ пополугодно за первую половину гражданскаго года въ январѣ, за вторую— въ августѣ. Поступающіе среди того или другаго полугодія вносятъ плату за полное текущее полугодіе. Внесенная за воспитаніе плата ни въ какомъ случаѣ не возвращается. Не

внесшіе платы за воспитаніе въ назначенные выше сроки считаются выбывшими изъ заведенія.

Переводный экзаментъ ученикамъ IV и VI кл. и выпускной окончившимъ курсъ ученія въ гимназіи производится, на основаніи правилъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 8 декабря 1872 года, преподавателями заведенія при участіи и подъ надзоромъ депутатовъ отъ учебнаго вѣдомства.

Ученики, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ наукъ въ гимназіи, получаютъ аттестаты зрѣлости, а воспитанники IV и VI классовъ — свидѣтельство за подписью депутата отъ учебнаго начальства и членовъ испытательныхъ коммиссій и съ приложеніемъ печати канцеляріи Попечителя Учебнаго Округа.

Краткій отчетъ за 1888—89-й учебный годъ.

Пріемныя испытанія происходили 16-го и 17-го августа; ученіе началось 18-го августа. 2-го октября гимназія праздновала свою 30 годовщину. Послѣ молебствія законоучитель школы протопресвитеръ Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее слово:

«Тридцать лѣтъ исполнилось нынѣ со дня основанія сего училища. Это мѣра совершеннаго возраста, совершеннаго развитія силъ и полноты ихъ дѣятельности. Благодареніе Богу за всю жизнь училища и за настоящее ея исполненіе! Какъ прежде и нынѣ исповѣдуемъ въ судьбахъ жизни училища, съ основанія его и въ дальнѣйшемъ строительствѣ до сего дня, благодарно исповѣдуемъ непрестающія знаменія благоволенія и содѣйствія отъ верховнаго Создателя: ибо *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи.* Благодарно исповѣдуемъ милость и помощь Божію въ мимошедшихъ лѣтѣхъ и о тѣхъ же благодѣяніяхъ наступающему лѣту молимъ и будемъ молить усердно.

«Пусть дѣло училища многолѣтно утвердилось; но никакое совершенство человѣческаго дѣла не можетъ разсчитывать на то, чтобы ему когда-либо можно было стоять уже только на своихъ ногахъ, или можно было обходиться одною набранною себѣ силою безъ дальнѣйшаго пособія силы Божіей. Только Божія сила — одна *имѣетъ жизнь въ себѣ*, всѣмъ же единственно Она *даетъ животъ и дыханіе и вся* или всѣ *въ ней живемъ, и движемся, и существуемъ*. Возмечталъ было нѣкогда человѣкъ о самобытной, какъ бы божественной, себѣ жизни, поддавшись лукавому искушенію: *будете яко бози*; но за дерзновенною, ложною мечтою однако не послѣдовала для человѣка дѣйствительная самобытная, божественная жизнь, а напротивъ, послѣдовало разстройство и нарушеніе той самой жизни, какая имѣлась какъ даръ Божій. Итакъ, видя на себѣ и на своихъ дѣлахъ благословеніе и содѣйствіе Божіе, никогда ни на какой степени достигнутаго совершенства этихъ дѣлъ не должно и не будемъ переставать сознавать нужду, и желать, и искать продолженія Божія благословенія и содѣйствія.

«*Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи*: это несомнѣнно, безусловный законъ на всякой стадіи созиданія. По сему закону бываетъ, что и основанія не могутъ положить и утвердить; и бываетъ также, что и до вѣнца доведенное зданіе рушится. Особенно дѣйственъ и требуетъ соблюденія этотъ законъ въ отношеніи созиданій нравственныхъ, каково дѣло училища.

«Аще не Господь созиждетъ домъ духовный, всуе труждаетесь, ибо безъ Господа ни дѣяніе, ни слово исправится: пѣснь антифоновъ, которую пѣли мы сегодня на утрени. Училище есть созиданіе нравственное, домъ духовный. Дерзую даже сказать: училище есть подобіе церкви или малая церковь, какъ церковь и сама есть вселенское училище. Но кто суть церковь? Вѣрующіе составляютъ церковь; и въ этомъ смыслѣ зданіе храма, гдѣ собираются вѣрующіе, гдѣ совершаются молитвы и таинства вѣры, называется церковью. Согласно сему: что такое училище? — учащіе и учащіеся составляютъ

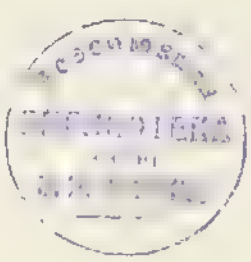
училище; и конечно въ этомъ смыслѣ домъ, гдѣ совершаются дѣйства ученія, именуется училищемъ. Итакъ, домъ ученія есть духовный домъ.

«Св. Апостолъ говоритъ самимъ вѣрующимъ: *вы есте церкве Бога жива.* Согласно сему скажу прежде всего дѣтямъ училища: вы—училище, живой духовный домъ ученія, не изъ мертвыхъ, а изъ живыхъ камней созидаемый. А живымъ камнемъ, *каменію живу,* по слову того же Апостола, надобно и самимъ созидать себя въ домъ духовный. Мертвый камень весь въ рукахъ строителя и потому весь на отвѣтственности строителя; не такъ съ *живымъ каменіемъ,* т.-е. воспитываемыми и поучаемыми. И вы, дѣти, сами должны почувствовать и понять, что безъ собственной вашей доброй воли къ ученію, безъ вашего умнаго вниманія, безъ вашего прилежанія нельзя васъ образовать. Итакъ, какъ не малою, а доброю частью отъ васъ самихъ зависитъ ваше созиданіе, т.-е. образованіе, воспитаніе, ученіе, то прежде всего вы сами должны прилежною доброю молитвою молиться, и помолитесь и нынѣ объ успѣхѣ вашего ученія. Безъ благословенія и помощи Божіей дѣло не будетъ имѣть плода. Вспомните и положите на сердцахъ Вашихъ слово Христа Господа: *безъ Мене не можете творити ничесоже.* Это значитъ, что безъ Христа Господа, безъ Его благословенія, безъ Его помощи всякое дѣло ничтожно, а тѣмъ болѣе дѣло духовнаго созиданія, воспитанія, ученія.

«Призывать ли мнѣ нарочитымъ словомъ къ общенію молитвы за благостояніе духовнаго дома ученія—такъ сказать главу его и ближайшихъ, и дѣятельнѣйшихъ здателей, воспитателей и учителей? Они, конечно, болѣе чѣмъ кто-либо знаютъ, что въ ихъ дѣлѣ, которое есть и созиданіе другихъ и вмѣстѣ самосозиданіе,—одними средствами человѣческими, одними усиліями человѣческими всего не достигнешь. Они знаютъ, что отъ людей зависитъ только то, чтобъ каждый въ своемъ призваніи, на дѣлѣ духовнаго строенія, дѣлалъ въ мѣру силъ своихъ, по совѣсти, и главное, чтобы всѣ остерегались, какъ бы чѣмъ не помѣшать Господнему промы-

слительному здѣсь дѣйствію, не помѣшать великой цѣли нравственнаго созиданія, какъ самъ Господь заповѣдалъ своимъ ученикамъ и вселенныя учителямъ: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, а не препятствуйте имъ.* А затѣмъ они уже знаютъ, и пусть знаютъ, что; исполняя свой долгъ, намъ учителямъ надлежитъ крѣпко молиться, чтобы самъ Богъ довершилъ невозможное для нашихъ искреннихъ добрыхъ усилій; чтобы гдѣ изнемогаетъ человѣческое руководительство, тамъ Всемогущій Свою десницу съ благословеніемъ возлагалъ на главы дѣтей, въ свои спасительныя объятія заключалъ ихъ и отъ Своихъ устъ вдыхалъ въ нихъ Духомъ истины и святыни, открывая имъ разумъ и созидая въ нихъ сердце чистое. Наконецъ,—и намъ самимъ да дастся отъ того же Духа, да просвѣщаетъ наши сердца свѣтомъ своей истины, очищаетъ наши души чистотою слова Своего и укрѣпляетъ насъ въ дѣланіи силою крестной любви: ибо подвигъ учителя и воспитателя поистинѣ требуетъ пріобщенія крестной любви.

«Если мы довольно изъяснили значеніе училища, какъ долга духовнаго, созидаемаго изъ живыхъ камней, то можно надѣяться, что не отрекутся отъ заботъ о судьбѣ сего дома тѣ, которые породили эту образуемую здѣсь и назидаемую жизнь, отдали ее сюда для назиданія, т.-е. родители дѣтей училища не отрекутся отъ общей нашей молитвы. И желалось бы думать, что и естественною любовью къ своимъ дѣтямъ, и вѣческимъ опытомъ жизни, особенно же строгими опытами настоящаго времени, *родители* ранѣе нашего слова, въ согласіи съ нимъ, сами себя *назидаютъ* къ тому, чтобы, отдавая дѣтей училищу, не забывали молитвеннымъ воздыханіемъ отдавать ихъ и себя самихъ въ вѣрныя руки Спасителя человѣковъ и Единаго Истиннаго Учителя, котораго всѣ мы токмо ученики. Какъ бы желалось, чтобы въ настоящій день и часъ были здѣсь по возможности всѣ родители дѣтей училища — дабы всѣмъ намъ, и учителямъ, и дѣтямъ, и родителямъ ихъ, едиными усты и единымъ сердцемъ славить, благодарить и молить Господа о великомъ дѣлѣ ученія. Аминь».



На торжественномъ актѣ преподаватель русскаго языка Л. П. Бѣльскій прочелъ свою рѣчь: «Ѳ. И. Буслаевъ (по поводу 50-лѣтняго его юбилея».

«18 августа 1888 года исполнилось пятидесятилѣтіе служенія русскому просвѣщенію Ѳедора Ивановича Буслаева, ординарнаго академика, заслуженнаго профессора, доктора русской словесности, доктора теоріи и исторіи искусства и почетнаго члена многихъ научныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ. Такое знаменательное событіе въ жизни одного изъ старѣйшихъ современныхъ намъ русскихъ ученыхъ было почтено Высочайшею грамотою и наградою (орденомъ Бѣлаго Орла), а также привѣтствіями отъ высшихъ научныхъ учрежденій съ Академіею Наукъ во главѣ. Кромѣ привѣтственныхъ адресовъ нѣкоторые университеты почтили маститаго ученаго избраніемъ въ почетные члены. Московскій университетъ, возведя его въ степень доктора теоріи и исторіи искусствъ, изготовлялъ свое привѣтствіе. Нѣкоторые учебные округи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и прежде всѣхъ Московскій, принесли свои поздравленія знаменитому ученому, не мало потрудившемуся для педагогіи. Ѳедоръ Ивановичъ получилъ привѣтствія отъ преподавательскихъ коллегій цѣлыхъ городовъ, напр. Одессы, отъ гимназій: Пензенской, Кіевской 1-й, Нижегородскаго реальнаго училища, Московскихъ гимназій 2-й и 3-й, въ которыхъ онъ былъ преподавателемъ и др. Избранъ въ почетные члены Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ въ Петербургѣ, Одесскимъ Обществомъ Кирилла и Меѳодія, получилъ привѣтствія отъ редакцій журналовъ и множество поздравленій отъ частныхъ лицъ.

«Уроженецъ Пензенской губ., города Керенска, Ѳедоръ Ивановичъ рано лишился отца и первое воспитаніе получилъ подъ руководствомъ своей матери. Десяти лѣтъ поступилъ онъ въ Пензенскую гимназію, гдѣ въ младшихъ классахъ учился русскому языку у Бѣлинскаго. Для Пензенской гимназіи не нашлось тогда преподавателя русскаго языка съ университетскимъ образованіемъ, и Бѣлинскій, кончившій курсъ въ Пензенской гимназіи и по недостатку средствъ не могшій

поступить въ университетъ, былъ приглашенъ преподавателемъ. Знаменитый въ послѣдствіи критикъ, увлекаясь русской поэзіей, на ней основалъ свое преподаваніе, и воспитанники младшихъ классовъ у него учили наизустъ стихотворенія Дмитріева и Державина, между прочимъ оду «Богъ». Такое знакомство съ поэзіей должно было оказать въ литературномъ отношеніи вліяніе на учащихся. Въ слѣдующихъ классахъ преподаваніе продолжалось въ томъ же исключительно литературномъ направленіи. Новый учитель былъ изъ почитателей тогдашнихъ романистовъ, особенно Марлинскаго; новая повѣсть въ отрывкахъ читалась въ классѣ, и ученики записывали прочитанное. Шестнадцати лѣтъ Ѳедоръ Ивановичъ поступилъ казенно-коштнымъ студентомъ въ Московскій университетъ на Историко-Филологическій факультетъ, называвшійся тогда Словеснымъ. Профессорами * русской словесности были тогда П. П. Давыдовъ и С. П. Шевыревъ. Первый изъ нихъ сначала былъ профессоромъ математики и издавалъ сочиненія философскаго содержанія. Затѣмъ, слѣлавшись профессоромъ словесности, онъ занялся преимущественно теоріей и издалъ «Программу по классу краснорѣчія и поэзіи», а также «Чтенія о Словесности». Въ преподаваніи онъ руководствовался Цицерономъ, Квинтиліаномъ, Шлегелями и Эстетикой Гегеля, любилъ разбирать со студентами въ особенности проповѣди митрополита Филарета, сочиненія Батюшкова, Жуковскаго, Крылова, Озерова и Грибоѣдова. Занятія студентовъ состояли также въ перечняхъ, въ собственныхъ сочиненіяхъ въ прозѣ и стихахъ. Гораздо плодотворнѣе для будущаго историка русской словесности была профессорская дѣятельность Шевырева. Въ то время какъ Давыдовъ въ основу своего курса положилъ современную ему эстетику, Шевыревъ отдался историческому изученію литературы. Окончивъ курсъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ въ Москвѣ подъ руководствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго,

---

* См. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, ч. I и II, 1855 г.

при которомъ воспитывался и Жуковскій, Шевыревъ получилъ отъ Прокоповича Антонскаго, какъ и большинство воспитанниковъ пансіона, любовь къ литературѣ. Онъ былъ участникомъ во многихъ журналахъ, писалъ переводы, стихи, былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ и въ то же время началъ заниматься древнею русскою словесностью по источникамъ, читая рукописи подъ руководствомъ знаменитаго библіографа Калайдовича. Но вначалѣ болѣе привлекала его литература народовъ западныхъ. На должность адъюнкта написалъ онъ разсужденіе «Данть и его вѣкъ», затѣмъ статью «Сикстъ V» и открылъ чтенія для студентовъ I-го курса (въ числѣ которыхъ былъ и Ѳ. И. Буслаевъ) исторіею поэзіи санскритской, еврейской, греческой и римской. Затѣмъ онъ читалъ исторію поэзіи среднихъ вѣковъ до Данта. Въ дальнѣйшихъ занятіяхъ Шевыревъ прочелъ о Дантѣ, Петраркѣ, Боккачіо; потомъ исторію русскаго языка по памятникамъ, положивъ въ основаніе сравнительное изученіе церковно-славянскаго и русскаго языковъ по Библіи, Нестору, Слову о Полку Игоревѣ и народнымъ былинамъ, и наконецъ въ 1837 — 38 г. исторію русской словесности по памятникамъ отъ начала Руси до татаръ. Въ числѣ кончавшихъ въ этомъ году курсъ студентовъ, Ѳ. И. Буслаевъ представилъ ему сочиненіе «О сравнительномъ изученіи русскихъ грамматикъ».

«Вотъ краткое указаніе того, что слушалъ въ университетѣ Ѳедоръ Ивановичъ и у какихъ преподавателей получилъ онъ основу своей будущей дѣятельности. Нельзя не признать этой основы благотворною для будущаго изслѣдователя русской литературы. Не смотря на то, что по своей спеціальности онъ не многое пріобрѣлъ въ университетѣ, но общее литературное образованіе, знакомство съ поэзіею всѣхъ народовъ дало ему ту широту взгляда, которою отличаются его произведенія.

«Въ томъ же 1838 г., по окончаніи курса, Ѳедоръ Ивановичъ поступилъ учителемъ во 2-ю Московскую гимназію. Преподаваніе русскаго языка шло у насъ въ то время по старой методѣ, заправленной еще Ломоносовымъ. Русскій языкъ стоялъ особнякомъ, безъ связи не только съ языками

классическими, но даже и со славянскимъ. И вотъ Ѳедору Ивановичу является возможность съ гр. Строгановымъ ѣхать черезъ годъ за границу, гдѣ онъ могъ предаться любимымъ своимъ занятіямъ словесностью и познакомиться на мѣстѣ съ дѣломъ преподаванія въ среднихъ школахъ за границей. Его, воспитаннаго на поэзіи еще въ гимназіи Бѣлинскимъ, потомъ въ университетѣ Шевыревымъ, тянуло въ страну поэзіи — Италію, и онъ два года живетъ на родинѣ Данта и Петрарки. Италія дѣйствуетъ на него своими красотами, своими многочисленными памятниками искусства древняго и эпохи Возрожденія; — отсюда будущая его дѣятельность на поприщѣ исторіи искусства. Не разъ потомъ навѣщалъ Ѳ. И. дорогую ему Италію и какія прекрасныя статьи писалъ онъ о ней и ея памятникахъ! Недавно онъ ихъ собралъ и перепздалъ въ своемъ сборникѣ «Мои досуги». Много статей въ этомъ сборникѣ касаются Италіи: «Римскія письма», «Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь», «Флоренція въ 1864 г.», «Юбилей Данта» и пр. Статьи эти представляютъ доселѣ крупный интересъ для нашей публики. Вотъ напр., какое заключеніе дѣлаетъ онъ о характерѣ греческой скульптуры: «Греческій художникъ глубоко чувствовалъ, что прекрасное должно производить на душу успокоительное и стройное впечатлѣніе, должно не волновать, а очищать страсти; потому всегда зналъ мѣру поэтическому восторгу и никогда не увлекался въ своихъ созданіяхъ минутнымъ, преходящимъ выраженіемъ страсти. Даже самое сильное волненіе классическое искусство умѣло облекать безмятежною тишиною. Всему стремительному, рѣзкому оно умѣло положить границы. Такъ древнему художнику нужно было изобразить силу Геркулеса, и онъ представилъ его отдыхающимъ послѣ великаго подвига. Зрителю самому предоставляется вообразить, какова же будетъ эта утихшая сила, когда покоящаяся на страшной палицѣ рука его поднимется нанести смертельный ударъ» *. Ватиканъ Ѳ. И. осматривалъ подъ руководствомъ знаменитаго

* Мои досуги, I, стр. 3.

ученаго де-Росси, въ которомъ, по выраженію Ѳ. И., «итальянская натура соединила нѣмецкое глубокомысліе и солидность съ легкостью и остроуміемъ француза». Обозрѣніе Рима навело Ѳ. И. на грустное заключеніе о томъ, что каждое поколѣніе старалось налагать свою печать реставраціи на памятники Рима». Надо всѣмъ этимъ живописнымъ своею пестротою анахронизмомъ вѣчнаго города одна и та же историческая идея возрожденія вѣчно обновляющейся жизни изъ крушенія и развалинъ прошедшаго. На каждомъ шагу чувствуется, что всякое время живо для себя. Остатками великаго прошедшаго жертвовало оно для удовлетворенія своихъ мелкихъ, но насущныхъ нуждъ. Потому всякое нарождавшееся поколѣніе относилось къ поколѣнію отжившему разрушительно. Варвары безжалостно разрушали, жгли и грабили великія произведенія искусства классическаго Рима. Христіанскіе храмы первыхъ вѣковъ сооружались изъ остатковъ античныхъ памятниковъ. Дворцы строились изъ кирпичей Колизея и Помпеева театра, украшались колоннами и статуями изъ римскихъ термовъ и дворцовъ кесарей. Мастера XVII столѣтія, по приказанію папъ, сбивали драгоцѣнную штукатурку съ фресками вдохновенныхъ художниковъ эпохи Возрожденія для своихъ смазливыхъ и безсмысленныхъ произведеній. Также и XVIII ст. повсюду въ Римѣ наложило свое тяжелое и «аляповатое великолѣпіе» *. Изъ многочисленныхъ статей въ «Досугахъ» выдѣляется особенно важная для людей, занимающихся и интересующихся искусствомъ, статья «Задачи эстетической критики», превосходно изображающая сущность и задачи искусства. Въ ней Ѳ. И. касается современной намъ живописи.

«Перейдемъ къ біографическимъ подробностямъ. Возвратившись изъ-за границы, Ѳ. И. поступилъ преподавателемъ въ Московскую 3-ю гимназію и былъ прикомандированъ къ Шевыреву и Давыдову въ помощники для исправленія студенческихъ письменныхъ упражненій; это было въ 1842 г. Въ

* Ibid. стр. 72.

этомъ же году появилась въ печати первая статья Ѳ. И. «Храмъ св. Петра въ Римѣ», напечатанная въ Москвитянинѣ вмѣстѣ со статьею Гоголя «Римъ», а также составлено имъ руководство къ обученію по звуковому методу, которое и было разослано циркулярно по Московскому учебному округу. Въ 1844 г. напечаталъ Ѳ. И. свое извѣстное сочиненіе «О преподаваніи отечественнаго языка». Съ января 1847 года, въ качествѣ сторонняго преподавателя въ Московскомъ Университетѣ, онъ занимался со студентами сравнительно-историческимъ изученіемъ русскаго языка. Въ 1848 году напечаталъ свою диссертацію «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ». Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ, что исторія языка стоитъ въ связи съ преданіями и вѣрованіями народа; что славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей. Затѣмъ онъ сличаетъ переводы св. писанія на славянскомъ и готскомъ языкахъ и находитъ, что славянскій переводъ отличается большею чистотою выраженія христіанскихъ понятій, нежели готскій. Въ славянскомъ переводѣ Ѳ. И. замѣчаетъ, что въ тогдашней жизни народной въ языкѣ господствовали во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ въ готскомъ и древнихъ нѣмецкихъ переводахъ онъ замѣчаетъ развитіе идей государственныхъ. По языку славянскаго перевода онъ составляетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и самого славянскаго племени. Слѣдомъ за диссертаціей является цѣлый рядъ статей Ѳ. И. по древней и народной русской литературѣ и искусству. Два объемистыхъ тома, вышедшихъ въ 1861 г., подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства», заключаютъ въ себѣ 34 статьи. Здѣсь мы находимъ драгоцѣнныя изслѣдованія по русской эпической поэзіи, о русскомъ бытѣ и пословицахъ, о народности въ литературѣ и искусствѣ; сближеніе пѣсенъ Эдды съ древнерусскими произведеніями, объ идеальныхъ женскихъ характерахъ на Руси, о русской живописи XVI в., объ изображеніи страшнаго суда и пр. Въ предѣлахъ нашей статьи мы не можемъ подробно остановиться на каждой изъ этихъ 34 статей, а

равно и на послѣдовавшихъ затѣмъ произведеніяхъ Ѳ. И.: его критикѣ на сочиненіе Стасова «О происхожденіи русскихъ былинъ», а также на недавно вышедшей его книгѣ «Народная поэзія», гдѣ перепечатана знаменитая его статья «Русскій богатырскій эпосъ», «Русскіе духовные стихи» и др. Сдѣлаемъ общій очеркъ дѣятельности почтеннаго юбиляра на поприщѣ изученія народной и древней литературы.

«Ѳ. И. выступилъ на ученое поприще въ то знаменательное время, когда вопросъ о національности занималъ весь ученолитературный міръ западной Европы. Это былъ переломъ въ литературѣ, когда романтизмъ, выдвинувъ національность каждаго народа, заставилъ обратиться къ источникамъ родной старины, когда народное переставали считать заодно съ невѣжественнымъ, и наука отдала свои силы изученію народной жизни. Послѣ утомительной натянутости, условныхъ фразъ и формъ, наслѣдія ложнаго классицизма, и литература, и наука нашли богатую пищу въ свѣжихъ источникахъ народныхъ сказаній, пѣсенъ и старинной письменности. Націю стали разсматривать не по отдѣльнымъ ея классамъ, а въ совокупности всѣхъ сословій, не исключая и низшихъ. Россія долго оставалась въ этомъ вопросѣ позади другихъ европейцевъ. Въ то время какъ въ Германіи гремѣла слава Гриммовъ и Гумбольдта, у насъ, какъ мы видѣли, проф. Давыдовъ ограничивался наукой о краснорѣчіи, а Шевыревъ долго занимался западными писателями. Да и не всякому подъ силу было новое направленіе. Оно стояло не на шаткой почвѣ сентиментальныхъ разглагольствованій о невинномъ поселянинѣ и счастливыхъ пастушкахъ, а на прочной основѣ сравнительнаго изученія. Изслѣдователю народной жизни пришлось взглянуть въ глубину первобытныхъ эпохъ, въ семью пра-Арійцевъ, откуда потомъ народы вынесли свое первое достояніе. Изслѣдователь долженъ былъ явиться знатокомъ санскритскаго, древне-нѣмецкаго, кельтскаго, не говоря уже о греческомъ и латинскомъ языкахъ. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворялъ Ѳ. И. и могъ побѣдоносно побороть трудности небывалаго въ Россіи изученія. Вооруженный знаніемъ сравнительной грам-

матики, съ богатымъ запасомъ литературныхъ свѣдѣній по источникамъ изучившій и древнюю, и новую литературу европейскихъ народовъ, Ѳ. И. явился достойнымъ изслѣдователемъ древней и народной русской словесности и искусства. Обширная эрудиція открыла ему полный просторъ для ученой дѣятельности, и въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ поражаетъ глубиною и широтою своихъ воззрѣній. Только при этомъ могъ онъ непоколебимо рѣшить, что есть исконная принадлежность русскаго народа и что принесено ему другими націями. Прослѣдивъ и изучивъ народную жизнь, онъ увидѣлъ ее своимъ свѣтлымъ научнымъ взглядомъ и вполнѣ безпристрастно отнесся къ ней. Поэтому онъ не сталъ ни въ ряды завзятыхъ славянофиловъ, не признававшихъ ничего хорошаго, кромѣ русскаго, ни въ ряды крайнихъ западниковъ, отрицавшихъ всякую самобытность и достоинство въ русской исконной жизни. Русскій народъ сталъ ему извѣстенъ, какъ онъ есть, и безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей. Ѳ. И. полюбилъ его. Онъ дорожилъ всѣмъ народнымъ и потому строго обличалъ тѣхъ, кто отнималъ у русскаго народа его исконную поэзію. Заслуга Ѳ. И. еще увеличивается тѣми статьями, которыми онъ въ журналахъ знакомилъ русскую публику съ русской народностью. Въ этихъ статьяхъ видна его безграничная, но безпристрастная любовь къ своему народу. Онъ смѣло укоряетъ русскую публику въ равнодушіи къ своей народности. Русское, такъ называемое, образованное общество не имѣетъ права, по его мнѣнію, считать себя образованнымъ, если оно не знаетъ произведеній своего народа, гдѣ оно найдетъ много поистинѣ достойнаго и назидательнаго для своего индифферентнаго приличія. Жизнь русскаго народа содержитъ въ себѣ болѣе прочныя и плодотворныя сѣмена для самостоятельнаго и твердаго развитія, нежели иноземная въ Россіи прививка, которая давала только пустоцвѣтъ да скороспѣлые плоды. Въ самомъ отношеніи нашего общества къ народности видна его незрѣлость, въ этомъ боярскомъ презрѣніи къ грубому народу, въ боязни увидѣть въ народѣ что-то шокирующее ложное приличіе. Народъ въ своихъ произведеніяхъ и жизни выска-

жетъ намъ свои достоинства, какъ и недостатки. Надобно оцѣнить всѣ стороны народной жизни и вмѣсто того, чтобы донкихотствовать противъ народа, увидѣть его надлежащее мѣсто въ исторіи человѣчества. (См. Русск. богатыр. эпосъ и Русск. дух. ст.). Такова цѣль изслѣдованій нашего маститаго ученаго, который всю жизнь свою посвятилъ на служеніе своему народу. Тонкій литературный вкусъ доставилъ возможность Ѳ. И. посвятить насъ въ красоты народной поэзіи. Благодаря ему, эта поэзія теперь уже не можетъ считаться принадлежностью грубости народной, но должна занять мѣсто наряду съ первоклассными произведеніями писателей искусственной литературы.

«Существенное содержаніе статей историческихъ очерковъ по народной словесности представляетъ эпосъ. Слѣдуя господствовавшимъ тогда теоріямъ, Ѳ. И. разсматриваетъ вопросъ о народной поэзіи во всей его широтѣ, начиная съ эпохи древнѣйшей, гдѣ источникомъ для изслѣдователя въ области поэзіи служитъ языкъ. «Языкъ, говоритъ Ѳ. И., какъ древнѣйшій памятникъ до-исторической жизни народа, ясно свидѣтельствуетъ, что все разнообразіе нравственныхъ интересовъ народа въ первобытный періодъ его образованія подчинялось стройному единству, потому что въ ту отдаленную пору человѣкъ, еще не думая отдѣлять своего личнаго сужденія отъ своихъ убѣжденій и привычекъ, не могъ положить рѣзкихъ границъ тѣмъ отдѣльнымъ силамъ и направленіямъ жизни, которыя теперь называемъ мы дѣятельностію умственною, художественною, закономъ и т. д. Языкъ былъ такъ проникнутъ стариною, что даже отдѣльное реченіе могло возбуждать въ фантазіи народа цѣлый рядъ представленій, въ которыя онъ облекалъ свои понятія. Составленіе отдѣльнаго слова зависѣло отъ повѣрья, и повѣрье, въ свою очередь, поддерживалось словомъ» *. Слѣдуя теоріи Макса Мюллера, Ѳ. И. разсматриваетъ миѳическое значеніе словъ, называющихъ стихіи, и приходитъ къ заключенію, что слово,

---

* Истор. Очерки Т. I. стр. 6, 7.

рѣчь, вѣщба съ одной стороны выражали нравственныя силы человѣка, съ другой—стояли въ тѣсной связи съ поклоненіемъ стихіямъ и миѳическимъ представленіемъ души въ образѣ стихій *. Въ вопросѣ о происхожденіи поэзіи онъ находитъ, что оно, «теряясь въ древности незапамятной, въ понятіяхъ народа соединялось съ началомъ знанія, чародѣйства и заклинанія, а также права и языческихъ обрядовъ. Въ эпическій періодъ жизни преданіе замѣняло и школу, и науку. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ протекала вся жизнь человѣка отъ колыбели до могилы. Сама старинная эпопея возникаетъ и раскрывается въ продолженіе вѣковъ; каждое поколѣніе бережетъ и лелѣетъ ее, какъ лучшее свое достояніе. Дурное направленіе въ литературѣ возникаетъ большею частію отъ лица, отъ произвола частнаго, а не отъ всеобщаго нравственнаго расположенія. Поэтому невозможно допустить въ эпической самородной поэзіи не только рѣзкаго оскорбленія нравственнаго чувства, но даже и малѣйшаго уклоненія отъ добра и правды. Интересы нравственные въ эпосѣ тѣсно связаны съ умственными. Содержаніемъ эпоса бываетъ цѣлый міръ и все человѣчество. Отдѣльныя лица всегда бываютъ представителями цѣлыхъ родовъ и поколѣній и теряютъ свои исключительныя качества въ общемъ расположеніи. Отказывая себѣ въ изліяніяхъ чувствъ и не думая ученымъ образомъ анализовать душу, тѣмъ охотнѣе обращается эпическій пѣвецъ къ міру внѣшнему, гдѣ всякій предметъ, великій и малый, равно занимаетъ его фантазію, ибо, по глубокому народному убѣжденію, въ мірѣ все добро и все красиво. Пѣвецъ съ одинаковымъ вниманіемъ останавливаетъ свой взоръ и на Олимпѣ, гдѣ возсѣдаютъ боги, и на какой-нибудь домашней утвари или вооруженіи. Позднѣйшіе писатели, какъ ученые естествоиспытатели, анализуютъ природу въ своихъ произведеніяхъ. Настоящая же поэзія природы, поэзія эпическая, первое мѣсто дастъ всегда человѣку, касаясь природы мимоходомъ, сколько понадобится, чтобы выставить дѣла людъ-

* Ibid. стр. 17.

скія въ настоящемъ свѣтѣ, и природа служитъ пѣвцу только необходимымъ дополненіемъ яснаго представленія дѣлъ и характера человѣка, какъ Рафаэлю, который весь интересъ картины сосредоточивалъ на человѣкѣ, а ландшафтомъ только округлялъ цѣлое» *. Такъ объясняетъ Ѳ. И. начало эпической поэзіи и въ общихъ чертахъ опредѣляетъ свойства эпическаго одушевленія. Находя въ народной поэзіи существенное и преимущественное выраженіе эпическаго творчества, самые лучшіе образцы эпическаго стиля, какихъ нѣтъ ни у Виргилія, ни у Аріоста или Тасса, онъ стоитъ за необходимость старательнаго изученія этой поэзіи. Вѣрный путь исторіи литературы и эстетики находитъ онъ въ надлежащей по достоинству оцѣнкѣ народной поэзіи, какъ твердой основы всему дальнѣйшему художественному и литературному развитію. Главнѣйшимъ недостаткомъ теорій, основанныхъ на Шлегелѣ, Вильменѣ, Сисмонди и на скудныхъ результатахъ философіи искусства до пятидесятыхъ годовъ, служило то, что они отвлекали здоровыя, свѣжія силы учащихся отъ благотворнаго изслѣдованія фактовъ, налагая на все готовыя формулы какой-нибудь эстетической теоріи. Самое злое и вредное въ этихъ теоріяхъ было, такъ сказать, аристократическое ихъ направленіе. Изслѣдователь обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства: Данту, Шекспиру, Державину или Ломоносову. Изученіе пѣсенъ, сказокъ, народныхъ преданій и повѣстей, изученіе, которымъ наука обязана энергической дѣятельности Гримма и его послѣдователей, расширило воззрѣнія изслѣдователей Исторіи литературы» **. Въ числѣ выдающихся послѣдователей Гримма былъ Ѳ. И., направившій науку русской словесности по надлежащему пути.

«Не менѣе плодотворною была дѣятельность Ѳ. И. въ изученіи исторіи русскаго искусства. Слѣдуя тому же методу не увлекаться аристократами искусства, онъ посвятилъ себя изслѣдованію начальныхъ эпохъ художественнаго творчества

---

* Ibid. стр. 18, 44, 55, 57, 63, 67.

** Ibid. стр. 402, 407.

на Руси, чтобы объяснить исторически жизнь русскаго искусства Плодомъ такого изученія явилась II часть Историческихъ Очерковъ, рядъ статей въ Сборникѣ Общества древнерусскаго искусства за 1866 г. и наконецъ въ 1884 г. изслѣдованіе русскаго лицеваго апокалипсиса. Какъ въ словесности Ѳ. И. посвятилъ себя изученію произведеній народныхъ и памятниковъ письменности древнѣйшей, такъ и въ искусствѣ онъ избралъ то, что составляетъ принадлежность старины или тѣхъ слоевъ русскаго народа, которые остались нетронутыми позднѣйшею образованностію. На этомъ пути ему необходимо пришлось остановиться на русской иконописи и миніатюрахъ.

«Идя путемъ сравнительнымъ, онъ приходитъ къ тому результату, что иконопись русская и западно-европейская взаимно восполняютъ одна другую, составляя гармоническое цѣлое въ общей картинѣ исторіи искусства. Въ весьма обширномъ трудѣ своемъ «Общія понятія о русской иконописи», этомъ важномъ руководствѣ для всякаго, занимающагося русскимъ искусствомъ, Ѳ. И. отдаетъ должное древне-русскому художеству. «Наша иконопись, говоритъ онъ, въ своемъ вѣковомъ коснѣніи всѣми своими недостатками искупала себѣ чистоту строгаго церковнаго стиля. Все, что сдѣлано западнымъ искусствомъ съ половины XVI в., можетъ имѣть неоспоримыя достоинства во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ религіознаго. Неразвитость нашей иконописи составляетъ ея превосходство въ этомъ отношеніи предъ искусствомъ западнымъ. Если нѣмцы и французы съ уваженіемъ и любовію обращаются къ своимъ очень невзрачнымъ, часто уродливымъ миніатюрамъ и скульптурнымъ изображеніямъ романскаго стиля, искупающимъ свое безобразіе религіозною идею и искренностію чувства, то въ глазахъ нашихъ соотечественниковъ еще большаго уваженія заслуживаютъ произведенія древней русской иконописи, въ которыхъ жизненное броженіе формъ изящныхъ съ безобразными и наивная смѣсь величія и красоты съ безвкусіемъ служатъ явнымъ признакомъ молодаго, свѣжаго, неиспорченнаго роскошью искусства, когда оно, еще

слабое и неопытное въ техникѣ, отважно стремится къ достиженію высокихъ цѣлей. Первый признакъ русской иконописи—отсутствіе сознательнаго стремленія къ изяществу. Но въ ней выразились идеалы, въ которыхъ русскій народъ выразилъ свое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, и къ которымъ вмѣстѣ съ молитвою обращался онъ, какъ къ образцамъ и руководителямъ въ своей жизни. И тѣмъ дороже для насъ эти иконописные идеалы, что древняя Русь до самаго XVIII в. не знала другихъ поэтическихъ идеаловъ, кромѣ полумиѳическихъ личностей богатырскаго эпоса, такъ что только въ произведеніяхъ иконописи наши предки могли выразить вполнѣ свою творческую фантазію, вдохновляемую христіанствомъ. Конечно, молитвенное выраженіе налагаетъ печать однообразія на священныя лица, но за то предохраняетъ иконопись отъ впаденія въ тривіальность. Посторонніе примѣси къ сюжетамъ на Западѣ вмѣстѣ съ развитіемъ искусства мало-по-малу отодвигаютъ назадъ интересъ религіозный, и западная икона переходитъ въ картину. Такъ Веронезъ бралъ сюжетъ евангельскій для изображенія современныхъ ему пировъ венеціанскихъ общества дамъ, кавалеровъ, въ современныхъ костюмахъ, съ собаками, арапами-служителями, Рубенсъ подъ предлогомъ святаго семейства писалъ семейные портреты, въ которыхъ жена его замѣняла Богородицу, онъ самъ Іосифа, а двое толстыхъ ребятъ Христа и Предтечу. Такъ на Западѣ искусство религіозное было явленіемъ временнымъ, переходнымъ къ искусству свѣтскому. Искусство русское сохранило въ чистотѣ характеръ церковный; въ немъ отразилась своеобразность русской народности во всемъ ея несокрушимомъ могуществѣ, воспитанномъ многими вѣками коснѣнія и застоя, въ ея непоколебимой вѣрности однажды принятымъ принципамъ, въ ея первобытной простотѣ и суровости нравовъ. Къ этому надо прибавить, что иконопись русская, какъ и поэзія, не подчинялась отдѣльному вліянію художниковъ; она была такъ же народна, какъ и народная поэзія. Но въ XVII в. царь Алексѣй Михайловичъ не удовольствовался русскими иконописцами и,

любя иноземныя потѣхи, вызвалъ для украшенія своихъ палатъ мастеровъ иностранныхъ, которые расписывали ихъ ландшафтами и снимали портреты. Въ этотъ вѣкъ перелома русской жизни и иконопись не могла удержаться въ прежнихъ предѣлахъ бѣдной техники, а вмѣстѣ съ ея усовершенствованіемъ стала терять и оригинальность въ композиціи, заимствуя изъ западныхъ листовъ лицевыхъ изданій и гравюръ» *. Говоря о методѣ изученія древне-русскаго искусства и его источникахъ, Ѳ. П. даетъ русской иконописи видное мѣсто въ общей исторіи искусства: «Русское искусство сохранило слѣды древне-христіанскаго, въ которомъ элементъ художественный является во всей силѣ. Позднѣйшее искусство уже сковывается догматами ученія. Хотя русское искусство и идетъ непосредственно отъ византійскаго, уже установленнаго догматами, но носитъ на себѣ много древне-христіанскихъ символовъ, напр. олицетвореніе моря, рѣкъ, земли. Между тѣмъ русская публика смѣшиваетъ древне-русскую живопись съ новѣйшею ремесленною иконописью или съ позднѣйшею византійскою. Древне-русское искусство ведетъ свое начало отъ древне-христіанскаго, сохранившаго стиль античный. Стѣнная живопись миѳологическаго содержанія въ Геркуланумѣ и Помпеѣ и живопись христіанскихъ катакомбъ при различіи въ содержаніи и идеяхъ, очевидно, произведенія одной и той же школы. И можно предполагать, что одинъ и тотъ же мастеръ, когда былъ язычникомъ, писалъ сюжетъ изъ Овидіевыхъ метаморфозъ во дворцахъ, а перейдя въ христіанство, изображалъ мучениковъ и библейскую исторію въ катакомбахъ. Природу и изящество наслѣдовалъ онъ отъ античнаго искусства, но одухотворилъ ихъ христіанскимъ восторгомъ» **.

«Въ своемъ изслѣдованіи рисунковъ русскаго лицеваго апокалипсиса Ѳ. П. приходитъ къ такому же заключенію относительно достоинства и значенія русскаго искусства, къ ка-

---

* Общ. понят. о русск. икон. въ Сборн. 1866 г. стр. 19, 20, 22, 24, 33, 36.
** Ibid. стр. 40, 41, 77, 80, 81.

кому онъ пришелъ въ вышеуказанной статьѣ объ иконописи. «Въ древнѣйшихъ редакціяхъ апокалипсиса, говоритъ онъ, все отзывается архаизмами отъ далекихъ временъ, отвлекаетъ фантазію отъ окружающей дѣйствительности и рисуетъ ей образы первыхъ вѣковъ христіанства, частію взятые изъ античнаго міра и уже невѣдомые ни мастерамъ ихъ, изображавшимъ, ни читателямъ, которые ихъ созерцали. Но искусство въ своемъ историческомъ развитіи, хотя въ рукахъ неумѣлыхъ мастеровъ, подчинялось той же стихійной силѣ, которою пользуется природа, созидающая изъ разрушенія. Много и въ русскомъ искусствѣ встрѣчаемъ такого, что наблюдается на Западѣ въ романскомъ стилѣ; напр. противная закономъ природы стилизація неба и облаковъ, рѣкъ и горъ, наивное размѣщеніе сюжета, раздѣленнаго на перегородки линіями, и многіе другіе условные пріемы, нарушающіе природу изображаемыхъ предметовъ *. Разсматривая новѣйшіе рисунки къ апокалипсису на Западѣ, Ѳ. П. уже не видитъ въ нихъ того соотвѣтствія идеи и формы, которое наблюдается въ древнѣйшихъ миніатюрахъ. «Съ потерею религіознаго уваженія къ Откровенію Іоанна Богослова исчезло и вдохновеніе при живописномъ изображеніи его сюжетовъ» **.

«Изслѣдованіе апокалипсическихъ рисунковъ по 300 выдающимся изображеніямъ, взятымъ изъ рукописей русскихъ и рукописей и изданій иностранныхъ, занимаетъ первое мѣсто между трудами по русскому искусству и вмѣстѣ съ другими статьями Ѳ. П. по искусству и словесности свидѣтельствуетъ объ обширной эрудиціи и важномъ значеніи этого ученаго въ наукѣ нашего отечества. Тонкое художественное и свѣтлое воззрѣніе, воспитанное на поэзіи, живописи и скульптурѣ, искусствахъ, столь облагораживающихъ душу, это воззрѣніе не покидаетъ Ѳ. П. и въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ. Вездѣ онъ является творцомъ-художникомъ, пишетъ ли онъ о Римѣ, о высочайшемъ классическомъ искусствѣ, эпохи Воз-

---

* Русскій лицевой апокалипсисъ. Изд. Общ. Др. Письм. стр. 202, 203.
** Ibid. стр. 206.

рожденія, или о народной поэзіи, старыхъ рукописяхъ и миніатюрахъ и непривлекательныхъ для неспеціалиста произведеніяхъ русской иконописи,—все служитъ предметомъ его ученаго вниманія отъ Рафаэля до лубочной картины, отъ перваго лепета человѣчества до новѣйшаго романа. Творческій талантъ даетъ ему возможность извлекать много новаго изъ произведеній давно извѣстныхъ. Одно слово рисуетъ передъ нимъ цѣлую картину. Переводъ евангелія даетъ ему цѣлую исторію славянскаго племени. И все это столь же поэтично, сколь и основано на незыблемыхъ строгихъ научныхъ данныхъ. Заслуги его въ наукѣ давно оцѣнены отечествомъ.

Но особенно дорога его дѣятельность тѣмъ, кто были его учениками. Нельзя забыть этого живаго слова, этой любви къ предмету и слушателямъ, этой вдохновенной эрудиціи, въ которыя облекались передъ нами лекціи дорогаго профессора. Ѳ. П. любилъ Университетъ и студентовъ. Кромѣ лекцій онъ приглашалъ слушателей на домъ, и въ воскресенье его кабинетъ наполнялся студентами. Здѣсь, за большимъ столомъ, еще живѣе было общеніе профессора съ юношами, готовившимися посвятить себя наукѣ. Здѣсь передъ нами раскрывались рукописи, священные остатки сѣдой старины; здѣсь мы учились разбирать старое письмо, отыскивать основы настоящаго и будущаго въ древнихъ памятникахъ. Одному Ѳ. П. помогалъ учиться итальянскому языку, другому древненѣмецкому, иному разъяснялъ красоты финской Калевалы. Нигдѣ, конечно, нельзя было постигнуть сущности стариннаго рисунка такъ, какъ въ этомъ кабинетѣ. Ѳ. П. доставалъ рѣдкія миніатюры и училъ насъ различать истинно художественное отъ пошлости. У него мы убѣдились, что въ рисункахъ старыхъ пергаментовъ иногда содержится болѣе художественнаго чутья, нежели въ нѣкоторыхъ современныхъ намъ гравюрахъ. При этомъ слово Ѳ. П. было всегда послѣднимъ словомъ науки, было новымъ результатомъ его творчества, было увлекательною картиною, захватывающею цѣлые вѣка и народы.

Дай Богъ Россіи побольше такихъ профессоровъ!

«Остается намъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности Ѳ. П. какъ педагога средней школы. Преподавателемъ гимназіи Ѳ. П. былъ 6 лѣтъ, и здѣсь его дѣятельность ознаменовалась замѣчательными руководствами. Мы уже упоминали о его руководствѣ къ обученію по звуковому методу. Съ тѣхъ поръ, съ 1842 г. донынѣ, звуковой методъ вошелъ во всеобщее употребленіе на благо начальнаго обученія. Другое замѣчательное сочиненіе Ѳ. П. по педагогіи «О преподаваніи отечественнаго языка» должно быть настольною книгою учащихъ. Выходя изъ основнаго принципа, что педагогъ долженъ развивать и образовывать способности учащихся, Ѳ. П. заключаетъ, что однимъ изъ лучшихъ къ тому средствъ можетъ служить родной языкъ. Педагогъ долженъ психологически вникать въ познавательную способность дѣтей и сообразно съ нею вести учащагося къ изученію. Древніе языки суть средства для изученія древней литературы, но средства неистощимо богатыя содержаніемъ. Цѣль изученія древняго языка достигается, когда учащійся усвоиваетъ его въ совершенствѣ и можетъ свободно употреблять его. Русское образованіе должно основываться на изученіи древнихъ языковъ.—Что касается языка отечественнаго, то для руководства въ немъ, кромѣ грамматики, учитель долженъ дать ученикамъ такую книгу, которая оставила бы въ нихъ слѣды на всю жизнь. Сочинители дѣтскихъ книгъ часто пишутъ, что ни попало, чтобы только было плавно. Для чтенія дѣтямъ лучше дать писателей первоклассныхъ. Мысли такого писателя лягутъ въ нѣжной душѣ дѣтей, хотя многое останется для ребенка непонятнымъ. Но пройдутъ годы, и вмѣстѣ съ возрастаніемъ дѣтей возрастутъ и окрѣпнутъ въ нихъ тѣ истины, которыя они вычитали нѣкогда въ любимомъ писателѣ. Греки учили дѣтей по Гомеру, а наши предки давали читать послѣ азбуки Псалтырь. Пусть дитя узнаетъ и пойметъ великія нравственныя идеи, которыя выучитъ не на мгновеніе, а на всю жизнь, какъ молитву, гдѣ дѣтскій возрастъ неясно понимаетъ всѣ выраженія, но чувствуетъ ихъ силу.—Письменныя упражненія Ѳ. И. совѣтуетъ вести въ строгой послѣдо-

вательности, которая теперь уже привилась въ нашихъ школахъ. Правописаніе должно обратиться даже въ привычку. Сочиненія должны начинаться въ низшихъ классахъ съ передачи разсказаннаго и прочитаннаго. Переложенія совѣтуетъ онъ дѣлать съ древнихъ памятниковъ и въ образецъ въ этомъ отношеніи указываетъ Карамзина. Извлеченія предлагаетъ онъ трехъ родовъ: извлеченіе плана, извлеченіе содержанія и извлеченіе выраженій. Собственныя сочиненія онъ предлагаетъ основывать на изученіи литературы.—Въ отдѣлѣ устнаго обученія Ѳ. П. приводитъ множество примѣровъ преподаванія. Такъ онъ помѣщаетъ подробный грамматическій разборъ сказки о рыбакѣ и рыбкѣ, на которой совѣтуетъ начинать обученіе синтаксису и этимологіи, что давно принято къ свѣдѣнію нашими учителями.—Особенно драгоцѣнна послѣдняя часть этого сочиненія, приложеніе, гдѣ указаны всевозможныя стилистическія особенности русскаго языка, какъ народнаго, такъ и литературнаго. Приложеніе это—краткая исторія русскаго языка, въ которой мы такъ нуждаемся. Языкъ произведеній не всегда выдвигается у насъ при ихъ обозрѣніи съ достаточной полнотой. Приложеніе весьма ясно показываетъ необходимость болѣе тщательнаго вниманія къ языку произведеній и даетъ богатый сравнительно лингвистическій матеріалъ. Многія изъ указаній «О преподаваніи отечественнаго языка» давно уже приняты и по достоинству оцѣнены нашими школами. Теперь они уже не новость. Они вошли въ плоть и кровь русскаго элементарнаго и средняго образованія, и этимъ мы вполнѣ обязаны Ѳ. П. Явившись въ 1814 г., эта книга произвела благотворный переворотъ въ крайне безсистематичномъ преподаваніи того времени. Но многія указанія еще досель, къ несчастію, не привились въ нашей педагогикѣ. Надо надѣяться, что русскіе педагоги въ скоромъ времени вполнѣ осуществятъ программу, выраженную въ такой полнотѣ старѣйшимъ изъ современныхъ намъ русскихъ педагоговъ. Переворотъ былъ сдѣланъ Ѳ. П. не только въ способѣ обученія, но и въ системѣ преподаванія русскаго языка. Онъ

указалъ, что преподаваніе это невозможно безъ знакомства съ церковно-славянскимъ языкомъ. Никто не можетъ считаться знающимъ русскій языкъ, если не знаетъ его исторіи съ древнѣйшаго времени. Историческое и сравнительное изученіе признаны имъ за единственно возможное средство познанія отечественнаго языка, притомъ во всей его совокупности, не исключая языка народнаго по разнымъ областямъ. Ѳ. И. ввелъ въ кругъ преподаванія средней школы словесность народную и изученіе древней письменности по лучшимъ ея памятникамъ. Прекрасными пособіями для примѣненія своей программы преподаванія Ѳ. И. издалъ для учащихся грамматики и хрестоматіи, изъ коихъ одними пользуются среднія школы, другими высшія. Его «Историческая грамматика» и «Историческая хрестоматія» положены въ основу университетскихъ курсовъ по русскому языку и словесности.

«Въ краткомъ нашемъ очеркѣ мы не разсчитывали дать ясный образъ дѣятельности маститаго ученаго. Для оцѣнки его многочисленныхъ трудовъ потребуются цѣлые томы. Русскіе государи обращали свое милостивое вниманіе на его почтенную дѣятельность, и Ѳ. И. былъ преподавателемъ русскаго языка при покойномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Русская учебная, ученая и журнальная литература гордится его трудами. Русское общество съ благодарностію чтитъ почтеннаго воспитателя цѣлыхъ поколѣній. Ученики Ѳедора Ивановича съ глубокою признательностію и любовію всегда помнятъ этого великаго ученаго и безконечно добраго и привѣтливаго человѣка, помощника и руководителя во всякомъ благомъ дѣлѣ. Россія никогда не забудетъ замѣчательнаго трудолюбія, обширной учености и выдающагося таланта изслѣдователя языка и словесности своего народа, и этотъ народъ съ почтеніемъ впишетъ имя Ѳ. И. Буслаева въ лѣтописи своего просвѣщенія».

20-го октября по полученіи радостной вѣсти о чудесномъ спасеніи Царской Семьи отъ грозившей Ей 17-го октября опасности вся школа въ полномъ составѣ своемъ благоговѣйно отслушала благодарственный молебенъ въ храмѣ Петровскаго

монастыря, а по возвращеніи къ себѣ ученики выслушали чтеніе полученныхъ въ то время въ Москвѣ извѣстій, касавшихся катастрофы, и пропѣли съ одушевленіемъ народный гимнъ, послѣ чего были освобождены отъ учебныхъ занятій. 18-го ноября ученики имѣли счастіе выслушать Высочайшую благодарность воспитанникамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній за высказанныя ими вѣрноподданническія чувства.

Съ 22-го апрѣля начались переходныя испытанія учениковъ IV-го и VI-го классовъ, которыя происходили въ присутствіи депутатовъ отъ учебнаго вѣдомства. 6-го мая начались испытанія зрѣлости, продолжавшіяся до 2-го іюня и происходившія подъ предсѣдательствомъ г. окружнаго инспектора В. Д. Исаенкова. Изъ допущенныхъ къ испытанію 16 учениковъ IV-го класса и 18 учениковъ VI-го класса всѣ выдержали испытаніе и удостоены были перевода въ слѣдующіе классы съ правомъ льготъ по воинской повинности. Изъ 11 учениковъ VIII-го класса (25-й выпускъ) всѣ успѣшно окончили экзамены и получили аттестаты зрѣлости, изъ нихъ:

1) Михаилъ Картавцевъ, родился 16 сентября 1867 года, Тульской губерніи, Одоевскаго уѣзда, с. Старчиково, православный, изъ дворянъ, посѣщалъ 4 года гимназію, намѣренъ поступить на юридическій факультетъ Московскаго Университета.

2) Іона Колгановъ, родился 30 октября 1869 г. въ Москвѣ, православный, изъ купцовъ, обучался 4 года въ гимназіи, намѣренъ поступить на медицинскій факультетъ Московскаго Университета.

3) Петръ Курносовъ, родился 29 декабря 1868 г. Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, хут. Сокольникахъ, православный, изъ дворянъ, обучался девять лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на медицинскій факультетъ Московскаго Университета.

4) Леонидъ Павловъ, родился 31 мая 1870 г. въ Переславлѣ, Владимірской губерніи, православный, изъ купцовъ, обучался семь лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на физико-математическій факультетъ Московскаго Университета.

5) Александръ Паженкопфъ, родился 5 марта 1869 г. въ Москвѣ, евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ, обучался девять лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на юридической факультетъ Московскаго Университета.

6) Викторъ Рагозинъ, родился 22 ноября 1868 г. въ Москвѣ, православный, изъ дворянъ, обучался семь лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на физико-математическій факультетъ Московскаго Университета.

7) Владиміръ Сосницкій, родился 14 января 1871 г. въ Москвѣ, православный, сынъ статскаго совѣтника, обучался восемь лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на медицинскій факультетъ Московскаго Университета.

8) Болеславъ Таргонскій, родился 30 іюля 1870 г. Воронежской губерніи, Коротоякскаго уѣзда, х. Грязная Потудань, католическаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ, обучался восемь лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на юридическій факультетъ Московскаго Университета.

9) Евгеній Тепловъ, родился 20 февраля 1870 г. въ городѣ Тулѣ, православный, изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, обучался девять лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на физико-математическій факультетъ Московскаго Университета.

10) Ипполитъ Фланденъ, родился 21 декабря 1869 г. въ Москвѣ, православный, изъ купцовъ, обучался десять лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на физико-математическій факультетъ Московскаго Университета.

11) Михаилъ Чистяковъ, родился 12 іюля 1868 г. Смоленской губерніи, въ городѣ Сычевкѣ, православный, изъ купцовъ, обучался одиннадцать лѣтъ въ гимназіи, намѣренъ поступить на юридическій факультетъ Московскаго Университета.

Въ истекшемъ учебномъ году въ гимназіи всѣхъ учениковъ было 187; изъ нихъ православнаго исповѣданія 152, лютеранскаго 21, католическаго 2, армяно-григоріанскаго 2, еврейскаго 10; по сословіямъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 89, изъ духовнаго званія 2, почетныхъ гражданъ 41, купцовъ 46, иностранныхъ подданныхъ 1. Учителей было 28; воспитателей 4. Еженедѣльныхъ уроковъ было 284.

Распредѣленіе еженедѣльныхъ уроковъ по предметамъ и преподавателямъ въ 1888 — 89 учебномъ году.

Предметы.	Преподаватели.	Приготов. классъ.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Итого.
Законъ Божій....	Протопресвитеръ П. А. Сергіевскій	2	2	2	2	2	2	1	1	1	15
	Пасторъ О. И. Фрей..	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
Русскій языкъ...	Н. А. Аменицкій.....	6	4	—	—	—	—	—	—	—	—
	Л. П. Бѣльскій.	—	—	4	4	4	—	—	—	—	—
	П. А. Виноградовъ ...	—	—	—	—	—	3	3	3	3	34
Латинскій языкъ.	О. П. Брюккеръ.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	А. Ф. фонъ-Фолькманъ.	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—
	К. К. Іогансонъ.	—	—	8	7	—	—	—	—	—	—
	Ф. В. Бремеръ	—	—	—	—	7	7	7	—	—	—
	В. М. Фаминскій	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—
	Р. Ф. Шульбахъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	7	59
Греческій языкъ..	Е. Г. Браунъ	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—
	Я. П. Кремеръ.	—	—	—	—	6	6	—	—	—	—
	Е. Ф. Шнейдеръ.....	—	—	—	—	—	—	6	—	7	—
	Р. Ф. Шульбахъ.	—	—	—	—	—	—	—	6	—	36
Математика.....	С. П. Лапшинъ.	4	4	4	—	—	—	—	—	—	—
	П. М. Ивановъ.	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—
	А. П. Глаголевъ.	—	—	—	—	—	4	4	4	5	37
Физика и Космогр.	П. К. Штернбергъ....	—	—	—	—	—	—	2	2	3	7
Исторія	С. П. Анцыферовъ....	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—
	П. П. Мельгуновъ	—	—	—	—	—	3	3	3	3	16
Географія	П. В. Юркевичъ.....	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—
	С. П. Анцыферовъ....	—	—	—	2	2	—	—	—	1	—
	П. П. Мельгуновъ	—	—	—	—	—	1	—	—	—	10
Нѣмецкій языкъ.	Ф. П. Брюккеръ	6	3	—	—	—	—	—	—	—	—
	Э. О. Миттельштейнеръ	—	—	3	3	2	3	2	2	1	25
Французскій яз..	Э. В. Керкофъ	3	3	3	3	—	—	—	—	—	—
	Ю. Д. Вильоме	—	—	—	—	2	3	3	3	1	24
Рисованіе.....	П. А. Александровъ ..	—	1	2	—	—	—	—	—	—	3
Чистописаніе....	П. Е. Евсѣевъ	3	2	1	—	—	—	—	—	—	6
Гимнастика.....	В. П. Антоновъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
						ВСЕГО.....					284

Приложеніе А.

Форма обязательства.

Къ поданному мною (*такого-то числа, мѣсяца и года*) прошенію (*сына, родственника или воспитанника*) въ частную гимназію Ф. Креймана имѣю честь присоединить слѣдующее обязательство:

1) Означеннаго (*сына моего или и т. д.*) я обязуюсь одѣвать по установленной формѣ, снабжать всѣми учебными пособіями и вносить своевременно установленную плату за ученіе; 2) о томъ, чтобы всѣ распоряженія гимназическаго начальства были имъ въ точности исполняемы, буду прилагать всевозможное стараніе; 3) жительство онъ будетъ имѣть (*тамъ-то*), о всякой же перемѣнѣ квартиры гимназическое начальство будетъ немедленно извѣщаемо.

Подпись.

Приложеніе Б.

Описаніе форменной одежды Гимназіи, Высочайше утвержденной 16-го января 1889 г.

Полукафтанъ гимназическаго покроя, чернаго сукна, однобортный, недоходящій до колѣнъ, застегивающійся на 9 посеребренныхъ гладкихъ выпуклыхъ пуговицъ, съ четырьмя такими же пуговицами сзади по концамъ карманныхъ клапановъ, воротникъ (скошенный) синяго цвѣта и обшлага такого же цвѣта, края воротника обшиты узкимъ серебрянымъ галуномъ, а спереди воротника нашитъ такой же плоскій галунъ, на обшлагахъ по двѣ пуговицы, среди которыхъ галунъ, какъ на воротникѣ. *Шаровары* чернаго сукна. *Пальто* чернаго сукна, двубортное гимназическаго образца, пуговицы къ нему такія же, какъ и на мундирѣ, петлицы на воротникѣ синяго цвѣта и съ пуговицею. *Фуражка* чернаго сукна съ синимъ околышемъ и такой же каймой вокругъ тульи; на околышѣ, надъ козырькомъ, посеребряный знакъ, состоящій изъ лавровыхъ листьевъ, между коими помѣщены прописныя заглавныя буквы: М. Ч. Г. К.

2007098229